

— Ты мастерски заговариваешь зубы, а как доходит до дела — сразу смущаешься. На самом деле, мне не так уж важно, старше меня партнер или нет. А тебе?

Цзи Шэньюй яростно замотал головой, а после, немного смутившись, добавил:

— Мне кажется, даже лучше, если немного старше.

Пакет с кристаллами, который он так и не отыграл, был забыт: Цзи Шэньюй проиграл еще семь-восемь необработанных камней. Впрочем, он ничуть не расстроился, а напротив, стал еще ближе с Цзян Тинэнем, даже обнял его за плечи. Когда им наскучило играть, из гостиной как раз вышел Дин Ханьбай. Он вертел на пальце ключи от машины, явно собираясь куда-то уехать.

Следом за ним вышли Цзян Цайвэй и Шан Миньжу. Цзян Тинэнь недовольно проворчал, что младшая тетюшка работает третьим лишним.

Сама Цзян Цайвэй так не считала, ведь они часто вместе ходили обедать или гулять. Но сегодня Дин Ханьбай предложил отправиться на цветочный рынок, а там без покупок не обойтись — и она действительно почувствовала себя лишней.

Осенний полдень был напоен чудесным солнцем, кому из молодых захочется сидеть дома? Цзи Шэньюй сжимал в руках карты, глядя в пустоту, и его мысли уже были там, за порогом. Пока он витал в облаках, Дин Ханьбай внезапно вернулся и, остановившись за стеной-ширмой, спросил:

— Всё проиграл? Поедешь смотреть цветы?

Цзян Тинэнь тут же вскочил, но Дин Ханьбай осадил его:

— А ты зачем сегодня пришел?

Тот пришел сдавать домашнее задание Дин Яньшоу, а после ему предстояло еще и дополнительное занятие, так что пришлось послушно остаться.

Дин Ханьбай посмотрел на Цзи Шэньюя:

— Поедешь со мной, будешь помогать мне совершенствоваться в резьбе по жемчугу...

Цзи Шэньюй мгновенно сменил тон:

— В резьбе по жемчугу мне уже не нужно совершенствоваться. Я хочу поехать с братом смотреть цветы. — Сказав это, он бросил карты и помчался к Дин Ханьбаю, запыхавшись и сияя от радости. — Я тоже буду третьим лишним!

Дин Ханьбай закатил глаза, но, отвернувшись, беззвучно усмехнулся.

На цветочном рынке было шумно, там как раз проходила выставка осенних хризантем, яблоку негде было упасть. Дин Ханьбай хотел спросить, как там обстоят дела с цветами в Янчжоу, но, оглянувшись, заметил, что Цзи Шэньюй и Цзян Цайвэй отстали.

Он шел впереди с Шан Миньжу, которая останавливалась у каждого прилавка, чтобы рассмотреть цветы, а он лишь прятал руки в карманы и ждал, когда придет время платить. Впрочем, Шан Миньжу ничего не покупала, словно у нее разбегались глаза.

Тем временем двое других забрели в отдел с комнатными растениями. Цзи Шэньюй давно хотел купить несколько горшков для запущенного дворика Лян Хэчэна и теперь внимательно выбирал. Цзян Цайвэй была человеком чутким, поэтому, даже если ей было скучно, она терпеливо составляла ему компанию.

Они не спеша гуляли, расспрашивали об особенностях ухода и периодах цветения. Цзи Шэньюй купил несколько небольших горшков, и теперь его руки были заняты. В этот момент началась раздача подарочных цветов с выставки, толпа хлынула к павильонам, и вокруг стало просторно.

Цзи Шэньюй огляделся и увидел, что Дин Ханьбай и Шан Миньжу тоже выбирают цветы.

Они выбирали розы... В это время года сезон роз уже закончился, и даже если в помещении они еще не завяли, выглядели уже не лучшим образом. Но для свиданий розы всё еще оставались первым выбором.

Цветы, которыми влюбленные выражают свои чувства...

Цзи Шэньюй внезапно всё понял. Неудивительно, что Дин Ханьбаю не понравилась печать с розой — оказывается, он просто не тому ее подарил.

А может, если бы ее подарил кто-то другой, Дин Ханьбай был бы в восторге.

Он подошел ближе к Цзян Цайвэй. На ней был тонкий браслет из подаренных им бусин «Куриной крови», цветом в точности как те розы. Дин Ханьбай был так увлечен выбором, что не заметил их, и спросил продавца:

— Есть цветы покрупнее?

Продавец покачал головой:

— Сезон не тот, зато эти маленькие дома еще долго простоят.

Дин Ханьбай, у которого уже затекли ноги сидеть на корточках, достал кошелек:

— Тогда беру сто кустов.

Цзи Шэньюй, который до этого сохранял невозмутимый вид, был поражен — точно так же, как когда-то во сне, когда Дин Ханьбай потратил тридцать тысяч на лошадь. Сто кустов! В кино даже девятьсот девяносто девять роз — это всего лишь один большой букет, а ведь на одном кусте цветов больше одного... Сколько же это будет в итоге?

Дин Ханьбай остался доволен. Встав, он наконец заметил его и спросил:

— Зачем тебе столько горшков?

Горшки предназначались для Лян Хэчэна, но Цзи Шэньюй выкрутился:

— Подарю учителю Ду, хочу стать заместителем старосты.

Дин Ханьбай фыркнул:

— Что за нравы! Взятки с начальной школы. Если пойдешь на госслужбу, рано или поздно окажешься за решеткой.

Цзи Шэньюй парировал:

— А ты разве не дарил начальству Маотай?

Они переругивались всю дорогу, забыв о своих спутниках. Вернувшись, они забрали розы и набили ими весь багажник. По пути завезли Шан Миньжу домой, а после развернулись и поехали на улицу Шаэр.

Цзян Цайвэй чувствовала, что что-то не так, но не могла понять что.

Цзи Шэньюй тоже чувствовал неладное, но тоже не мог сообразить.

Когда машина заглохла у ворот дома, Дин Ханьбай скомандовал:

— Зови кого-нибудь помочь выгрузить цветы.

И тут до них наконец дошло. Розы не подарили Шан Миньжу, их привезли домой. Цзян Цайвэй спросила:

— Племянник, эти красные розы разве не для Миньжу были?

Дин Ханьбай ответил как ни в чем не бывало:

— Нет, конечно. С чего бы? Еще чего не хватало — заставить твою сестру и зятя делать лишние выводы. Подари я ей розы, завтра пришлось бы идти свататься.

Цзян Цайвэй еще больше удивилась:

— Тогда зачем ты купил столько?

Дин Ханьбай отрезал:

— У меня деньги есть, не могу я купить себе немного цветов? Сам буду выращивать, нельзя, что ли?

Ему надоело спорить, он вышел из машины и сам пошел звать помощников. Вскоре все сто кустов роз перекочевали во внутренний дворик. Ярко-красные цветы мгновенно затмили собой сирень.

Цзи Шэньюй молчал, пребывая в полном замешательстве: что же на самом деле нравится Дин Ханьбаю? Не найдя ответа, он ушел в комнату делать уроки, решив больше об этом не думать.

На этом дело не закончилось. Дин Ханьбай, уперев руки в бока, стоял посреди двора, прикидывая, как пересадить цветы. Засучив рукава, он выкопал из клумбы менее важные растения — те, что не жалко, выбросил, а остальные пересадил на газон у стены.

Он принялся один за другим пересаживать кусты роз. Глубоко, мелко, криво, косо — шипы роз не щадили никого, хорошо, что у него кожа на руках была грубой. Он работал без отдыха, куст за кустом. Клумба не вмещала сотню кустов, поэтому они расползлись по всему двору, окрасив его в кроваво-красный цвет в лучах заходящего солнца.

У Дин Ханьбая ныла поясница, болели ноги. Закончив, он выпрямился — спина прямая, как струна. И крикнул во весь голос, звонко и четко:

— Цзи Шэньюй, выходи!

Он назвал его по имени. Цзи Шэньюй тут же отложил книгу и, открыв дверь, почувствовал аромат цветов, смешанный с запахом сырой земли. Он замер, ослепленный морем красных роз, а затем перевел взгляд на стоявшего рядом человека — и словно обрел покой.

Руки Дин Ханьбая были в земле, предплечья тоже, рубашка испачкана, а когда он вытер лицо, пятно грязи появилось и на щеке. Но в свете заката это ничуть не портило его статного, красивого вида.

Деньгами достоинство не купишь, но у человека есть язык и сердце. Дин Ханьбай наконец произнес:

— Мне теперь больше нравятся розы. Может, вернешь мне печать?

Цзи Шэньюй изумился еще сильнее: неужели он устроил всё это только ради печати с розой?

Он достал починенную печать, вышел к Дин Ханьбаю, дыхнул на основание и приложил ее к

тыльной стороне ладони Дин Ханьбая. Красные иероглифы на фоне голубоватых вен — словно роза и ее стебель.

Дин Ханьбай добился своего и с облегчением выдохнул:

— Устал до смерти. И всё это ради твоей безделушки.

Цзи Шэньюй внезапно подумал, что мог бы вырезать для него еще одну.

По дороге на работу Дин Ханьбай случайно встретил одноклассника, перекинулся парой фраз и, попрощавшись, предался воспоминаниям о годах учебы. Подъезжая к Бюро по охране культурных реликвий, он подумал, что работа ему все-таки нравится больше.

В школе ты во власти учителя: прогуляешь — вызовут родителей, дома не избежать ругани и нотаций. На работе иначе: даже если прогуляешь, родители не узнают — сплошное удовольствие и свобода.

Припарковавшись, он пошел через боковой вход, разглядывая девичий виноград на стенах — некоторые листья уже начали желтеть. У входа стоял «Красный флаг» директора, Дин Ханьбай обошел машину и увидел, как Чжан Инь о чем-то спорит со стариком. Присмотревшись, он понял, что это Чжан Сынянь.

— Что ты здесь делаешь? — тихо спросил Чжан Инь. — Как ты вообще прошел через охрану? Если что-то нужно — звони мне, я сам зайду, а таскаться сюда с мешком — это что за вид?

Чжан Сынянь ответил:

— Не обольщайся, я пришел за вторсырьем. — Он вытащил из кармана помятый лист бумаги, развернул его и протянул Чжан Иню — это была заявка, которую когда-то писал Дин Ханьбай, с подписью самого Чжан Иня.

Чжан Инь осекся и, чтобы скрыть досаду, проворчал:

— Этот Дин Ханьбай, он что, специально? Не верю, что это просто совпадение!

Чжан Сынянь поправил шляпу:

— Есть что на выброс — давай, нет — проваливай в здание. Ты думаешь, мне охота с тобой ласы точить? — Он сел на ступени и принялся перебирать старые газеты, собранные в сторожке.

Дин Ханьбай спрятался за машиной и показался только тогда, когда Чжан Инь ушел. Он не разобрал, о чем они говорили, но Чжан Инь был известен своим снобизмом, так что, скорее

всего, просто язвил.

— Брат Чжан? — с улыбкой окликнул его Дин Ханьбай, а когда старик поднял голову, поправился: — Ой, это же мой наставник! Давно не виделись, вы выглядите моложе.

Чжан Сынянь не спеша моргнул, его потрескавшиеся губы дрогнули, но он промолчал. Дин Ханьбай решил, что старик не в духе. И правда, кому понравится, когда тебя поучает человек, который годится тебе во внуки? Он без лишних слов ушел, принес из столовой стакан горячего соевого молока и, перестав шутить, сел на ступени рядом со стариком.

Чжан Сынянь сделал глоток:

— Тебе не пора на работу?

— Не спешу, хочу немного посидеть с наставником.

Через боковой вход ходило немного людей, в основном уборщицы да кухонные рабочие. Старик и юноша сидели на ступенях, отдыхая и ни на кого не обращая внимания, выглядя при этом совершенно непринужденно.

Дин Ханьбай покосился на стопку старых газет:

— У вас там целая комната чашек, блюдец и ваз. Неужели нельзя что-нибудь продать? Особенно ту вазу с узором «Сто долголетья» — вы что, собираетесь солить в ней тофу?

Чжан Сынянь усмехнулся:

— Человека, который сделал ту вазу, зовут Лян Хэчэн. Слышал историю про копье и щит? Мы с ним как раз такие: я — копье, он — щит.

Если на рынке Чжан Сынянь ошибался в оценке вещи, значит, ее сделал Лян Хэчэн. А если вещь Лян Хэчэна признавали подделкой, значит, она не ускользнула от зоркого глаза Чжан Сыняня.

Дин Ханьбай запомнил это имя и отправился на работу.

В офисе его встретил Чжан Инь, не преминувший поворчать из-за опоздания, но эти пустые слова лишь заставили Дин Ханьбая задуматься. На нем лежит ответственность за наследие Юй Сяоцзи, он учится у наставника, изучает антиквариат — откуда взять силы на работу?

Иными словами, работа ужасно отнимает время.

О том же самом размышлял еще один человек, сидя в классе. Цзи Шэньюй смотрел на доску,

заполненную конспектами, и думал: ему нужно выкраивать время на резьбу, нужно учиться у мастера Лян Хэчэна — откуда взять силы на учебу?

Прозвенел звонок, одноклассники повскакивали с мест, а он вяло пробормотал:

— Учеба — это такая трата времени.

Учитель нахмурился, и если бы Цзи Шэньюй не был первым учеником, ему бы не миновать серьезного разговора.

Весь день Цзи Шэньюй был не в духе, а по возвращении домой на улице Шаэр столкнулся с Дин Кэюем. Как говорится, враги всегда встречаются. Он подумал, что раз Дин Ханьбай однажды поколотил его, то Дин Кэюй теперь должен еще больше его ненавидеть или, может, бояться?

Дин Кэюй спросил:

— Что сегодня на ужин?

Голос его звучал ровно, без эмоций. Цзи Шэньюй ответил:

— Наверное, кашу.

Дин Кэюй снова спросил:

— Раны зажили?

Цзи Шэньюй кивнул, и они пошли рядом. До конца улицы было тихо, пока позади внезапно не раздался резкий звонок велосипеда. Они обернулись — это был Дин Ханьбай, уставший от работы за весь день.

Дин Кэюй послушно улыбнулся:

— Брат, с работы?

Разница в отношении была слишком очевидной, и Цзи Шэньюй смирился: видимо, ему не суждено ладить с семьей второго дяди. Втроем они вернулись домой, где за ужином выяснилось, что Дин Яньшоу уезжает на несколько дней в Сиань за материалами, и Цзян Шулю едет с ним.

Цзи Шэньюй улыбнулся:

— Наставник, наставница, вы такая любящая пара.

Дин Ханьбай, решив, что он льстит, съязвил:

— А что, наставник Цзи и твоя мама не были любящей парой?

За столом внезапно воцарилась тишина. Дин Яньшоу и Цзян Шулю одновременно покосились на Дин Ханьбая. Если бы круглый стол не был таким большим, Цзян Цайвэй обязательно пнула бы его под столом. Дин Ханьбай и сам пожалел о сказанном — он совсем забыл, что Цзи Шэньюй — незаконнорожденный сын Цзи Фансюя, и ситуация была сложной.

Фарфоровая ложка звякнула о край чаши — звук был таким чистым, что стало еще тише.

Все начали есть быстрее, молча желая поскорее закончить этот ужин. Дин Ханьбай, чтобы извиниться, подцепил палочками кусочек гриба и положил в чашу Цзи Шэньюя, случайно встретившись с ним взглядом.

Цзи Шэньюй, держа чашу, смотрел на него и ложкой подхватил гриб.

Дин Ханьбай неожиданно рассмеялся. Ему сошло с рук плохое поведение, и он, довольный собой, добавил:

— Что ты ешь, давай я тебе всю тарелку придвину.

Цзи Шэньюй ответил:

— Любящая. Иначе как бы я появился на свет.

Находясь вдали от дома и каждый день видя, как другие родители живут душа в душу, Дин Ханьбай вдруг всё понял. Цзи Шэньюй не льстил ему, он просто настолько завидовал, что не мог сдержаться. А ответ, который он только что дал, был адресован не столько Дин Ханьбаю, сколько самому себе.

Ему стало не по себе, он отложил палочки.

Выйдя из-за стола, он вернулся в комнату и съел подряд шесть или семь леденцов. Горло саднило от сладости, и в этой сладости он почувствовал горечь, скрытую в сердце Цзи Шэньюя. Он схватил целую горсть конфет, но этого показалось мало, и он забрал всю коробку целиком. В соседней комнате никого не было, он пошел в гостиную и в коридоре увидел Цзи Шэньюя, который сидел рядом с Цзян Цайвэй и о чем-то болтал.

Цзян Цайвэй угощала его шоколадом, и Цзи Шэньюй выглядел очень довольным.

Дин Ханьбай постоял с коробкой конфет, успокоился и пошел обратно. На полпути его обдало легким ветерком. Он резко обернулся и столкнулся с бежавшим навстречу Цзи Шэньюем — коробка с леденцами с грохотом рассыпалась.

Они опустились на пол, чтобы собрать конфеты. Цзи Шэньюй раскрыл ладонь:

— Шоколад от младшей тетушки, я принес тебе.

Дин Ханьбай не взял:

— Если хочешь, съешь сам.

Цзи Шэньюй спросил:

— А ты зачем несешь целую коробку конфет?

Дин Ханьбай не ответил и, собрав конфеты, пошел дальше. На самом деле он хотел спросить, не злится ли Цзи Шэньюй, но подумал, что в этом нет смысла. Если не злится — он успокоится, но тогда будет говорить еще более дерзкие вещи. А если злится — у него не хватит духу его утешить, да и расспросы лишь добавят неловкости.

Он оптимистично решил, что до завтра всё пройдет.

В доме погас свет. Цзи Шэньюй машинально потянулся к подушке, ища веревочку с колокольчиком, и вдруг вспомнил: раны зажили, колокольчик сняли.

Он сжал руку в кулак и, зарывшись в одеяло, уснул.

Пока глава семьи был в отъезде, Дин Ханьбай быстро захватил власть, открыто прогуливая работу под предлогом надзора за Юй Сяоцзи. Цзи Шэньюй ужасно завидовал, и к полудню, не выдержав, солгал учителю, что у него болит живот, и отпрашился с уроков.

Он проскользнул домой, собрал горшки с растениями и отправился к Лян Хэчэну.

В том же дворике Цзи Шэньюй расставил растения, добавил земли и полил их. Закончив, он взял кисть, обмакнул ее в белую краску и заново обвел полустертый номер дома. В комнате курился дымок — Лян Хэчэн сварил кастрюлю нежной кукурузы и позвал его угощаться, пока горячая.

За закрытыми дверями учитель и ученик ели кукурузу — обжигающую, вкусную.

— Наставник, когда я начну что-то создавать? — спросил Цзи Шэньюй. — Я каждый день выкраиваю время для резьбы, боюсь, что разучусь или вовсе заброшу. Здесь то же самое.

Лян Хэчэн ответил:

— Посмотри вокруг, подумай, чего больше всего на рынке антиквариата?

Больше всего было фарфора, Китай им и славился. Цзи Шэньюй сразу понял: формы, цвета, клейма — основа всего этого сам фарфор. А чтобы был фарфор, нужны печи.

Лян Хэчэн, раз уж он этим занимается, наверняка знает, где есть фарфоровые печи. Доев кукурузу, он взял ручку и начал писать в блокноте. Только он закончил строчку, как Цзи Шэньюй осторожно сжал его мизинец.

— Наставник, вы чувствуете? — тихо спросил он.

— Чувствую, — ответил Лян Хэчэн. — Он же не парализован.

Цзи Шэньюй улыбнулся, а потом рассмеялся в голос. Он смотрел на этот скрюченный мизинец — уродливый, но такой интересный, и ему ужасно хотелось его потрогать. Лян Хэчэн оторвал листок — там были два адреса.

Далеко, в нескольких десятках километров от города, в какой-то деревне была небольшая печь, владелец которой, Тун Пэйфань, был другом Лян Хэчэна.

— Наставник, мне ехать одному? — спросил Цзи Шэньюй.

Он здесь чужой, до сих пор знал лишь несколько улиц, как он найдет такое далекое место? Но Лян Хэчэн сослался на здоровье и даже не предложил помочь.

Цзи Шэньюй всё понял, но промолчал. Сложные задачи, испытания — у умудренных опытом людей всегда есть на то свои причины.

Проведя там вторую половину дня, он закинул рюкзак на плечи и собрался уходить. Лян Хэчэн, сгорбившись, проводил его до самого выхода из переулочка, а в последнюю минуту окликнул:

— Не езжай один, возьми кого-нибудь с собой.

Всё-таки беспокоится. Цзи Шэньюй бросился обратно:

— Тогда почему вы сами не поехали со мной?

Лян Хэчэн ответил:

— Я уже на закате своих дней, сколько я смогу тебя водить? Это одинокое ремесло: заперся в комнате, работаешь в тишине, и хорошо, если никто не знает, чем ты занят.

Цзи Шэньюй вдруг стало кисло — в носу, в глазах, во всем теле. Он хотел спросить: а зачем тогда просить кого-то взять с собой? А вдруг узнают?

Лян Хэчэн похлопал его по плечу:

— Боюсь, ты станешь как я — слишком сильно закроешься и в конце концов останешься один. Мне посчастливилось встретить такого ребенка, как ты, но не факт, что тебе повезет встретить кого-то еще. Найди того, кому доверяешь, даже если придется скрывать — считай, что просто съездил за город погулять.

Цзи Шэньюй ушел, не оглядываясь — боялся, что старик увидит, как он потерял самообладание.

Он шел и вспоминал: старик всё твердил о судьбе, а он думал, что это лишь суеверия. Но всё началось с судьбы — они стали учителем и учеником, те три-четыре горшка с цветами, кастрюля сладкой кукурузы, как он осторожно сжал его мизинец, и то, как старик молча провожал его взглядом... Потихоньку судьба переросла в душевную привязанность.

Может, Лян Хэчэн видел в нем опору, а Цзи Шэньюй видел в нем отражение Цзи Фансюя, но никто не знает, что будет дальше. Искренность просачивается по капле, и первоначальный эгоизм рано или поздно исчезнет.

Выйдя из переулка, он оказался на просторной улице, но здесь было не так тепло, как в переулке.

Цзи Шэньюй начал думать о новой проблеме: кого попросить поехать с ним?

Когда он вышел на остановке у Дворца Чи, решения еще не было. Пройдя улицу Шаэр, он всё еще не знал. Войдя в ворота и обогнув ширму, он запутался еще больше. В арке было чисто, лишь валялся один леденец — вчера вечером в темноте обронили. Цзи Шэньюй подобрал его, развернул и бросил в рот. Сладкий, сахарная глазурь растаяла, и мысли прояснились.

Он подумал о Дин Ханьбае. Он с самого начала думал о Дин Ханьбае. Но Дин Ханьбай — самый неуправляемый человек, и если его маленькая тайна вдруг раскроется, неизвестно, какой поднимется шум.

Но этот леденец был таким сладким, что мог растопить любую защиту.

Цзи Шэньюй побежал, крича:

— Брат! Где ты?!

Дин Ханьбай привез из Юй Сяоцзи кусок малинового турмалина и сейчас сидел в мастерской, работая резцом, и от этого звонкого крика чуть не сорвался.

Слушая этот радостный голос, он гадал: неужели опять занял первое место? Не должно быть, до середины семестра еще далеко. Может, Цзян Цайвэй закончила вязать перчатки?

Дин Ханьбай еще не успел додуматься, а Цзи Шэньюй уже влетел в комнату. Он распахнул дверь, щека его была раздута — явно ел конфету. Дин Ханьбай продолжал резать, сохраняя невозмутимый вид, ожидая объяснений.

Цзи Шэньюй, перестав прыгать от радости, замялся:

— Брат, я хочу пригласить тебя...

Дин Ханьбай сглотнул:

— Куда?

Цзи Шэньюй сказал, что просто хочет прогуляться, добавив, что его одноклассник живет в деревне Тун за городом, там очень красиво, и он хотел бы посмотреть.

<http://bllate.org/book/19144/1880227>